

## Сказка про правду.

Кто-то из мудрых, себе на уме, сказал: «Правда портит красивую историю». И я бы с ним согласился.

Скажите, кому нужна правда? Кто любит разбираться в трудностях другого, когда и своих достаточно?

А людям что надо? Чтобы вот, Ванька дурак вдруг оказался бы гением. А дохленький Илюша вдруг оказался богатырём.

Чтобы герой всех времён, вместо того, чтобы любить и любовью защищал мир, сам бился до крови и смерти. А зритель, в то время не за мир переживал, а за того героя, который, защищая мир, волтузит другого героя. А он что, жить не хочет?

Одним словом, простая история: правда – это сказки. Чудеса лишь там, где правды ни чуть.

Итак, жил один парень. Собаку имел. Воспитывал её в любви и неге. Постоянно ей повторял: слушай Тузик, ты помни, где хозяин, там собака. Потому, когда идём гулять, ты должен быть всегда рядом.

Только он с Тузиком на улицу, тот понёсся по местам, где сучка на задние лапы присела. И, уже, по написанному, несётся в неведомые дали. И уже ему ни при чём ни хозяин, ни его надрывный свист.

Интересна вам такая правда? Вот видите!

Попробуем сочинить другую.

Жила-была Правда. Да так жила, что хлопот другим доставляла, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вот однажды, в солнечное воскресное утро вышла Правда из дома и пошла на базар. А на базаре людей! Почитай весь город собрался. Видно у народа деньги завелись. Ну это что-то вроде того, как у собаки, вдруг и ни с того ни с сего, блохи заводятся. Короче, в общем не знаю, откуда у народа деньги завелись, врать не буду. А без них, чтобы они стали делать на базаре?

И, как бы там ни было, бродит Правда по рядам, товар выбирает.

Но, где ни подойдёт, ей Ложь в лицо: здрастье! Что пожелаете? Вот салыце свежее, от боровчика недавно заколотого. Для себя берегла. Да вот деньги срочно понадобились. Отдам почти задаром. Дешевле чем у меня на всём базаре не сыщете.

- Ну и по чём ныне ваше «даром» стоит?

- Только для вас, 200 золотых за кило.

- Что же это за такой золотой боровчик, который был заколот два года назад, украден твоим подручным у соседа из морозилки и всего 200? Не продешевила ли дорогая?

- Да что вы, что вы, как можно право, разве мы похожи на воров.

- Ко всему: - не обращая внимание на сетование Лжи, продолжала Правда: - вот у того гражданина, что в седьмом ряду, действительно свежее сало, и продаёт он его за семь золотых за килограмм. Хотя явно мог бы просить и больше, и в деньгах действительно нуждается. Его ферма, ему в убыток из-за таких как ты.

- Ну уж извольте, не нравится, не берите. Что же зря кричать, народ собирать.

А народ и действительно собрался полупоглазить как Правда с Ложью сражается за кило сала.

Правда, ободрённая вниманием народа, который и сам любил иногда (что переводится как постоянно) приврать, но очень уж любил такие зрелища, когда кому-то другому плохо делают. А тут, смотрите саму Ложь не побоялась за хвост прижать! И Правда кинулась в атаку.

Долго ли, коротко ли длилась та словесная баталия с переменным успехом, не известно. Но, кто-то из сознательных граждан, побежал, сообщил доблестным гвардейцам-полисменам о том, что там, на базаре, Правда чинит беспорядки.

Те вскочили в свои машины, включили свои сирены, и мигом к месту преступления. Видя густо собранную толпу в одном месте, ветром туда.

Подъехали, выскочили из машин:

- Так граждане, спокойствие, раздвиньтесь, дайте дорогу органам правопорядка.

Добравшись до места происшествия, начальствующий гвардейцами-полисменами строго (насколько мог) спросил писклявым голосом:

- Что здесь произошло?

- Господин полисмен, - тут же отреагировала Ложь: - эта смутьянка подбивает народ на бунт. Она мешает честной торговле, устроила здесь мятеж, хотя мы все тут мирно торговали, никого не трогали. Так же граждане, скажите!

Из всех сторон посыпалось:

- Да, да, она не виновата, она просто торговала, она никого не трогала. А эта...

- Всё понятно: - выказал понимание главенствующий гвардейцами-полисменами, - и кивнул головой в сторону Правды: - взять.

Гвардейцы-полисмены взяли Правду под белые ручки, и увели в машину, и повезли в кутузку на самый край города.

Не долго длился суд. Долговязый, тощий судья, простуженным голосом огласил вердикт:

- за нарушения правопорядка на базаре, гражданке Правде присуждается срок 100 лет в городской тюрьме особо строгого режима.

Сказать, что в тюрьме Правду встретили с радушием, то ведь вовсе нет.

Все, кто мог, высунули свои угрюмые физиономии насколько это позволяли им решётки и улюлюкая на разный лад, понося разными непотребными словами, провожали Правду пока та шла по коридору.

Определили Правду в камеру одиночку. Да к кому бы её посадили? Кто бы её принял?

И стала Правда жить в тюрьме. Слыханое ли дело, в тюрьме появилась правда.

И стала Правда понемногу наводить в той тюрьме порядок.

Первое, что бросилось ей в глаза, так это питание. Тут же отыскала циркуляры в которых были и нормы, и количества, и калорийность продуктов на день для осужденного. Записалась на приём к начальнику тюрьмы и сообщила ему:

- У вас тут всё разворовывается. Заключённым на день положено то и то, и то. Почему этого нет?

- А вы знаете, сколько выделяется средств вам на питание? – в свою очередь спросил начальник тюрьмы.

- Да, знаю, столько-то и столько-то. Или вы что, хотите сказать, что и в верхах воруют и не додают до нормы то, что сами же и утвердили? Так давайте писать вместе, чтобы и там разобрались.

Начальник понимал, что начини он поддерживать Правду, то многие головы полетят. Да и сам он уже вряд ли будет начальником тюрьмы. А до пенсии ещё пахать да пахать. И решил он: «Так пусть полетят головы здесь в тюрьме, чем я буду рисковать своей».

Правде же сказал:

- Хорошо, я понял ваш сигнал. Разберёмся. Кого надо накажем, кого надо уволим, а кого в карцер посадим. Можете идти.

И действительно, очень скоро сами заключённые вдруг увидели, как у них стала кормёжка куда лучше. И не сразу поняли куда девалось половина обслуживающего персонала с поваром и полисменом, отвечающим за продовольствие.

Как шило в мешке не утаишь, так и правда, рано или поздно, разными слухами, дошла до народа. Узнали заключённые, что Правда для всех добилась такого улучшения. И все сочли, что так оно и правильно. А за что тут Правду благодарить?

Дальше Правда увидела, что освещённость в каждой камере должна быть столько-то единиц, а в реальности столько, что ни письма написать, ни газету или книгу прочитать. Должны быть лампочки столько-то ват, а в самом деле куплены самые дешёвые, не ярче церковной свечи.

Снова записывается к начальнику:

- Вам государство доверило все эти души для чего? Чтобы вы их вернули обществу исправленных и здоровых, годных для полезных трудов на пользу того государства.

- А что случилось? Питание теперь по норме. Какие могут быть возражения?

- Освещение.

- А что освещение? Лампы везде. Меняют вовремя.

- В нормах сказано, что-такая-то площадь должна освещаться столькими-то единицами. А в реальности? Люди, находящиеся здесь, через год, максимум два, станут слепыми. И зачем, скажите этому государству нужны слепые граждане, которые не способны трудиться, а государству платить пенсии по инвалидности такой массе людей?

Заикнуться, сослаться на то, что государство выделяет мало средств на приобретение этих лампочек, начальник тюрьмы не рискнул. Точно знал, что Правда поставит его в очень трудное положение. Ему только то и оставалось, что сказать:

- Хорошо, я вас понял, идите.

Открыли утром глаза заключённые, а вокруг светло, душу радует.

Но, стало видно, что стены грязные, с потёками от дождей, которые прорываются через дырявую крышу. Тут уже потихоньку стал подниматься ропот и среди заключённых. Как-то само собой случилось (хотя и неизбежное), они стали привыкать к лучшему.

Понимая это, снова Правда идёт к начальнику тюрьмы.

Тот принял её уже с явным страхом в глазах:

- Ну что ещё? И когда ты уже устанешь. Может тебя в какие-нибудь лучшие условия посадить? Или, давай я добьюсь пересмотра твоего дела, авось что-то скостят? А то и вообще оправдают.

- Заманчиво конечно, но давайте сначала здесь доведём всё до конца, а уж потом подумаем и обо мне.

- Хорошо. Что уже случилось в этот раз?

- Вы стоите на грани бунта в тюрьме!

- Как, кто зачинщик?
- Пока не знаю. Но, если с вами не договорюсь, то буду я.
- Что-о-о-о! Не боишься такое мне говорить?
- А что же тут бояться. Если вы окажетесь правы, то конечно нам всем наказание неминуемо. Но, если докажут, что мы правы, то плохо будет вам.
- Хорошо, выкладывай, что у тебя?
- Нужен ремонт всех камер, да и тюрьмы в целом. Посмотрите, стены уже даже не серые, а чёрные, с плесенью и коричневыми разводами от воды. Того и гляди, струхлеют и рухнут. Где содержать заключённых будете?
- Ну уж нет. Таких средств у меня уж действительно нет.
- Так добейтесь чтобы выделили. Это же в интересах государства. Сидя в сырых камерах люди зарабатывают себе туберкулёз, пневмонию и целый ряд других заболеваний. Помимо того, это источник заразы, что грозит в первую очередь вашим же сотрудникам. А там и всему городу. Вы желаете взять на себя ответственность, если вдруг обнаружится, что источник заражения города, тюрьма, которая под вашей властью?

И задумался начальник, и надолго задумался. Да так, что Правда устала стоять перед ним.

А когда вышел из раздумья, спрашивает:

- Ну и как мне это доказывать в министерстве?
- Просто, покажите тюрьмы, которые построены на Западе. Там, мало того, что житьё в камерах продумано до мелочей, но и в каждой камере кондиционер. В каждой камере телевизор. Там нет тесных прогулочных дворишков, два шага вперёд один, осторожно в бок. А есть сад, полный зеленью, с животными, с небольшим бассейном. Для чего они это делают? Для того, чтобы, когда осуждённый отбудет свой срок наказания, сразу же мог влиться в общество и приносить пользу государству. Нашим же гражданам, даже при определённых хороших условиях, освобождаясь, всё равно приходится проходить реабилитацию, чтобы приспособиться к жизни на свободе.

Отпустил начальник Правду в камеру, а сам сел и снова надолго задумался.

А на утро вызвали правду на этап и выпроводили Правду в другую тюрьму.

- Фу-фу-фу! Сдыхались, - облегчённо вздохнул начальник тюрьмы.

- Избавились! – облегчённо вздохнули полисмены охраны.

- Сбагрили святую! – радовались заключённые.

И не заметили, как через короткое время пицца снова превратилась в баланду, снова были заменены лампочки на еле тусклый свет.

И через короткое время случился бунт в той тюрьме. Достало заключённых находиться в свинских условиях, в грязных холодных камерах и с дырявой крышей над головой.

.....

Правду же доставили в какой-то лагерь строго режима.

Встретил её начальник лагеря. Длинный, под два метра ростом. Тощий, как тростинка. Но, что примечательно, на его лице, как приклеена, была приветливая улыбка:

- Ну что, заключённая Правда, милости просим в наш курортный уголок. Надеюсь вам здесь понравится.

«У..у...у! – удивилась про себя Правда: - похоже этому месту с начальником очень и очень повезло!»

Поселили Правду в барак с другими заключенными. Бараки – длинные здания, сложенные из старых, вот-вот готовых рассыпаться кирпичей, выкрашенных в грязно-жёлтый цвет.

Длинные, неопрятные помещения, с затхлым запахом, в которых стояли рядами кровати в два яруса.

Староста (так величали заключённого, который тут командовал и присматривал за другими заключёнными), указал Правде на кровать на втором ярусе у самой двери, и сказал:

- Тут твоё место.

Правда смиренно устроила свои вещи там, где ей указал староста.

Позже она поняла, чем примечательно это место. Уснуть, когда приляжешь уставший, невозможно. Постоянно кто-то входит, кто-то выходит. Скрежет открываемых дверей и хлопки при её закрывании, постоянные сквозняки, характерная особенность этого места в здании, и выделялось тому, кого хотели наказать или унижить.

Со странностями бытия в этом месте Правда познакомилась очень скоро.

Ранний подъём в четыре утра. Но, это ещё ничего, как-то смириться можно. После подъёма, весь лагерь сгоняли на плац. А там, погода ли, не погода, все становились на колени. Выходил начальник с деланной искусственной улыбкой на лице:

- Привет граждане нашего райского уголка.

- Приветствую вас господин начальник, славим тебя, - в разнобой выкрикивали заключённые.

Правда же, в первый день замешкалась ответить начальнику таким приветствием. И тут, неведомо откуда выскочил субъект с красной повязкой на рукаве с большими буквами «ППП», (как потом правда узнала – это означало патруль право порядка), и со всего маха огрел Правду дубинкой по спине. При этом на лице субъекта была такая же приклеенная улыбка.

Правда, от боли, вскочила с колен. За что получила по спине дубинкой ещё раз.

Весь лагерь простоял на коленях до семи утра, непрерывно бубня из книжечек, которые любезно были розданы субъектами с повязками «ППП» и неременной улыбкой, каждому заключённому.

Получила такую книжечку и Правда. А там, такая галиматья!

Что-то в таком роде: «Славим творца, который сотворил это место, славим начальника, благодаря которому мы едим хлеб каждый день, славим всех его приближённых, благодаря которым в этом месте тишь и порядок, славим охрану, которая хранит нас от внешних врагов так же, как и от внутренних. Славим труд, благодаря которому мы имеем хлеб насущный на каждый день.

Слава, слава, аллилуйя. Слава, слава, аллилуйя.» Ну и что-то такое в том роде и в том же духе.

Правда решила, что не стоит читать этот бред, и даже отложила книжечку. Но, тут же получила удар дубинкой по спине.

Уже не рискуя понапрасну своим здоровьем, стала имитировать послушание, бубня вместе со всеми.

Потом заметила, что никто и не слушает, что там бубнят заключённые во время этого бездумного никчемного прославления, и стала так же монотонно, но искренне молиться:

- Владыка неба и земли, Царь вселенной, вечно святится имя Твоё! Посети это место мрака и лицемерия. Дари пробуждения в эти забытые, загубленные сердца. Сотри с лица начальника эту улыбку гордыни, сотри подхалимские улыбки и с лиц его приближённых. Дари им всем свет правды Твоей. Не оставь их без милости. Помогни выйти из рабства греха. А я буду славить и величать Имя Твоё во все дни пребывания на этом месте и везде, куда Ты меня пошлешь! Слава, слава во веки веков. Аллилуйя! Аминь.

И когда все заключённые стоя на коленях бубнили по написанному, лицо Правды сияло добротой и светом. Неподдельная искренняя улыбка озаряла её лицо.

Пришло время и закончилась духовная часть этого утра.

Далее, два часа привести себя в порядок. Там умыться, застелить постель аккуратно, заняться чем-то полезным, ну или вредным ещё и для себя. И в девять утра завтрак. Если верить меню, то на завтрак каша гречка. Здорово не правда ли! И вкусно, и питательно.

Однако, когда Правда подошла к окошку раздачи, то в её тарелке оказалась вода, в которой сиротливо плавали три-четыре крупинки, и браво выписывал брас или кроль сытный блестящий от лоска таракан.

Вторым блюдом был чай. Состав не сложный: тщательно пережаренные сухари, которые давали чайный цвет, и без сахара. И краюха хлеба.

Как же было не благодарить и славить начальника за такой изысканный, «аппетитный», «насыщающий» завтрак!

А работа? Как же за неё не благодарить!

Шесть копают, шесть носят землю на противоположную сторону площадки, метров за сто. Через час-полтора те, кто копали меняются с теми, кто носил, и начинается снова.

Вторая смена начинает копать в другом месте, а те, кому было дано в этот раз носить, сначала перенесли уже ранее выкопанную землю в уже готовые ямы, затем стали носить землю от ям, которые копались.

И так, с циклической последовательностью, целый день.

Ну если исключить обед, который так же не отличился особой сытостью и длительностью, (пятнадцать минут на приём пищи, и сорок пять минут отдыха). При чём, что после команды «Закончить обед», стоило замешкаться за столом, тут как тут субъект с повязкой и удар дубинкой по спине.

Меню уж упущу, чтобы не портить аппетит тому, кто собрался поесть.

Семь часов ужин, затем снова духовная часть. Весь лагерь на плацу, на коленях, в руках книжечки, и монотонное бормотание, зависающее в воздухе спёртым криком. У Правды лицо просветлённое. Ибо её молитвы песней рвутся в Небеса!

Так прошла неделя.

Некоторые заключённые, видя необычное поведение Правды, стали присматриваться и прислушиваться. И, когда поняли смысл её молив, так же, в тайне присоединились к ней. И ещё, по вечерам, собирались возле Правды, и та рассказывала им о правде жизни и о том, Кто и как может изменить их жизнь.

Но вот однажды, один из заключённых, а это был староста, усмотрел, как усердно Правда читает ту книжечку, и какое счастливое лицо у неё делается в тот миг. Более того, те, кто окружает её, тоже почему-то читают книжку со счастливыми лицами.

И решил послушать, что же такое интересное эта Правда вычитывает в давно опостылившей всем книженции?

Незаметно приблизился к ней в час её молитвы, встал рядом на колени, и, еле шевеля губами, чтобы не привлечь подозрение у окружающих патруля правопорядка, и окружающих Правду заключённых стал прислушиваться.

Каково же было его удивление, когда он услышал искреннюю молитву Правды к Господу Всевышнему.

В тот же день он донёс всё начальнику, чтобы угодить ему, и получил благодарность:

- Ступай верный раб, на ужин получишь немного вяленой рыбы, - с привычной улыбкой на устах, выводил он заключённого.

Староста тот, когда его тащили субъекты из право порядка к выходу, успел сказать:

- Но, господин начальник, у меня же зубов нет. Как мне эту вашу рыбу есть?

- Твои проблемы, - улыбнулся ему начальник.

Правду тут же схватили и отвели в карцер. Начальник же, когда бросали Правду в карцер, сказал, всё с той же улыбкой:

- Режим содержания в карцере, день лётный, день пролётный, - что означало: «День кормить, день не кормить». Срок содержания, десять суток.

Когда прошли десять отмерянных для наказания Правды дней, никто не пришёл выпустить её из карцера.

Правда стала стучать в решётку, зовя кого-нибудь из начальствующих.

Пришёл начальник лагеря:

- Что бунтуешь, - спросил с улыбкой.

- Я не бунтую, но десять суток моего наказания истекли.

- Как, так быстро? А я и не заметил. Да, милочка, тебе ещё десять суток.

- За что?

- Ну как за что, ты же была недовольна хлебом, который другие для тебя же и зарабатывают непосильным трудом, пока ты здесь отдыхаешь как в отпуске.

- Когда это я выказывала недовольство хлебом, а ну-ка напомните мне.

- Жаль, что ты такая неговорчивая непомнящая.

Начальник гордо вскинул голову, даже забыл, что надо улыбаться, развернулся и ушёл по своим срочным делам.

Через месяц, исхудавшая, еле стоящая на ногах Правда была выпущена из карцера в общий лагерь.

Придя в барак, она увидела человека, который лежал в постели. Жар и пот покрывали его тело. Он еле дышал.

Правда стала ухаживать за ним. Сделала компресс, напоила. Как могла подбадривала его. Со своих завтраков, обедов и ужинов, приносила тому хоть что-то поесть, чтобы поддержать его силы.

Сама, еле стоящая на ногах, даже ночи проводила у постели болящего. И конечно искренние молитвы за него, за его исцеление души и тела, неслись непрерывным потоком в небеса.

И Господь услышал, и исцелил болящего, простив его грехи по неустанным молитвам правды.

Но, отыскались «добрые» души, всё тот же неизменный староста, и сообщили начальнику лагеря о том, что совершила Правда. Тот тут же вызвал Правду к себе в кабинет.

Глаза блестели гневом и ненавистью. Руки подрагивали в невыносимом желании двинуть этой Правде прямо по лицу. Но, на лице всё та же улыбка, и голос елейно-нежный:

- Что голубушка, проявляем милосердие? Похвально, похвально. Только что же это мы нарушаем режим содержания? Кто тебе разрешил это самоуправство? В режиме сказано, что питание только в столовой или в специально разрешённых для этого местах. Ты же осмелилась таскать пищу в барак.

В уставе о режиме содержания сказано: сон со столькох-то до столькох-то. Почему нарушила режим содержания?

Правда же стояла молча, смотря прямо в глаза начальнику и ничего ему не отвечала.

- В карцер, в карцер её, на месяц в карцер.

- Но, господин начальник, - осмелился возразить один из его прислужников: можно же только на пятнадцать суток, а там только через суд.

- Законы знаешь? С ней в карцер угодишь. А там я посмотрю, как ты запоёшь.

И, видимо, его помощники, впервые в жизни видели начальника такого, без улыбки, без лилейного вкрадчивого голоса. И, не на шутку испугались.

И снова правда в карцере.

Описывать месяц мытарств Правды, не думаю, что это надо. Одно можно сказать, и там правда исправно и искренне молилась и за начальника, и за его подчинённых, и за всех, кто находился в этом лагере.

Через месяц выпустили Правду в общий лагерь.

И вот, как-то под вечер, подсел к ней один заключённый. Назовём его Иксовский. И рассказал ей свою историю.

Работал он на свободе бухгалтером какого-то там «Чини-ломай треста». Видел он как начальство взятки берёт за незаконные сделки. Да и сами проворачивали такие же сделки. И разворовывают свой же трест налево и направо. И создали теневую бухгалтерию, чтобы как можно больше средств утаить от государства и не платить налоги.

Но молчал, получая своё скудное жалование.

Нашёлся же тот, кто не смолчал. Или обделили его, или ещё как обидели, кто его знает. Но, нагрянула «как снег на голову» компетентная солидная налоговая комиссия.

Махинации выявили быстро. Ибо, уж очень подробно были информированы.

Конечно, тут же последовала им N-образная взятка из множества нулей. Тогда быстренько нашли крайнего. И им оказался тот бухгалтер Иксовский. И получил он пятнадцать лет с полной конфискацией.

Начальники обещали, что проведёт он свой срок, как на курорте. Ему обеспечат всё, и содержание, и уход. Он ни в чём нуждаться не будет.

Но, только Иксовский оказался за решёткой, о нём, вдруг, все забыли.

Но, у него остались некоторые обличающие документы. И, в его деле нестыковок столько, что развалить дело, если окажется стоящий адвокат, проще простого.

- Ты же Правда, ты всё знаешь, как правильно делать и как правильно поступать. Помоги, научи как здесь поступить.



Что делать Правде. Хоть не было у неё на свободе ни знакомств, ни блата. Не было и тех немереных средств, чтобы нанять хорошего адвоката, помогла она всё равно Иксовскому написать правильно прошение жалобы, и помогла отправить её в верховный суд.

А у верховной судьи давно был «зуб» на того местного судью. Ко всему приближались выборы, а верховный судья баллотировался в высший совет, вот и решил дать ход этому делу.

И понаехало комиссий в тот лагерь, как ос, улей которых был потревожен. И жалить стали как осы.

Досталось и суду, досталось и начальнику (улыбку с его лица быстро смыло). И начался пересмотр дел всех осужденных этой колонии. И освобождали одного за другим.

Остались только те, кто по-настоящему совершил преступление. А ими оказались все подручные некогда начальника лагеря. Да и сам начальник, за грубейшие нарушения, за незаконное присвоение и так далее, так же оказался в том лагере уже среди заключённых.

.....

Вышла на свободу и Правда.

Вот бы здесь и сказку завершить. Но... стоп. Тут такие речи как «сказка ложь, да в ней намёк», не пролезут.

Каждый прочитавший это, оглянись вокруг себя, вникни, где же ты находишься!

И, где бы ты ни находился, ты в тюрьме.

В тюрьме своих грехов и желаний. И неважно, лучше ли, хуже ли ты других. И куда бы ты ни направился, тебе всегда приходится делать не то, что ты хочешь, а то, что надо.

И хочется тебе как-то выделиться, не быть таким как все. Вот и думаешь, что умнее всех. Думая так, наказываешь себе подобных. Или издеваешься напрямую, или подставляешь под других. А может, и сам применяешь некую власть.

И хоть, вроде бы, как в этой сказке Правда вышла на свободу, но в действительности, истинна и правда, до сего часа в тюрьме. А кто хозяин той тюрьмы?

Предвижу ответ, нет не он. Он только помогает вам создавать иллюзию невинности.

Хозяин тюрьмы каждый из вас. Кто-то более лояльно относится к правде, кто-то её люто ненавидит. Но, суть от этого не меняется.

Есть ли тот, кто может реально освободить Правду?

Конечно есть! И Он освободит её в своё время.

И соберёт, и отделит правду от неправды. И тех, в ком найдёт хоть каплю правды, возьмёт в то место, где уже не Правда будет жить в нём, а он сам войдёт в Правду.

Ну а вся ложь навсегда уйдёт в свою тюрьму, которую ложь для себя же и создала. И все, кто упрямо служит ей, последуют за ней.

Вот тут уж и сказочке конец, кто поймёт, тот молодец.